

Социальная история отечественной науки и техники

Наука для ученых, государства и общества: опыты социальной истории науки

А зачем вообще она нужна, эта наука? — нередко возникает вопрос, особенно сейчас, когда ученым приходится доказывать всем и вся, что на научные исследования в России все-таки нужно давать деньги. Этот вопрос ученые обычно отбрасывают с возмущением и отвечают суждениями общего порядка: «наука — непреходящая ценность» или «наука — источник благосостояния человечества и оборонной мощи государства». Не говоря даже о том, что в ряде утверждений такого рода (например, в последнем) многие увидят определенные противоречия, подобные ответы неубедительны. Если же историки задумаются над поставленным вопросом, отбросив морок так называемой очевидности, то по трезвому размышлению они признают, что он совсем не лишен смысла, но сама постановка его антиисторична. На него сразу приходится отвечать вопросами: А кому и для чего нужна? Какая наука? Когда? и т. п. В разные времена, разным людям и разные дисциплины были и нужны по-разному. По мере такой детализации вопрос действительно становится содержательным и исторически интересным.

Зачем ученым, правительству и обществу нужна наука? Какая наука и в какие периоды была нужна? Какой образ науки создается у этих групп, и кто его создает? Эти и подобные им вопросы, интересующие историков, вызвали к жизни конференцию «*Образ науки для ученых, власти и общества: исторический опыт стран Балтии, России и Украины*», прошедшую 21—22 июня 1994 г. в Санкт-Петербурге. В самом деле, в настоящее время в странах, ранее входивших в СССР, не существует устойчивого образа науки. Ни ученые, ни власти, ни общество в целом не знают, что им делать с наукой вообще и отдельными дисциплинами в частности. Под советской союзной властью наука высоко ценилась и поддерживалась государством; она имела как практическое, так и политико-символическое значение. Луноход, огромные ускорители и станции в Антарктиде были символами государственного величия.

Физикам ускорители были нужны для своих целей, правительству — для своих. Для власти образ физики имел отчетливо военно-промышленный характер. Обществу импонирует образ физиков в очках и с гитарой, которые «познают тайны микромира» и, может быть, даже смогут «раскрутить шарик наоборот», чего тайно хотели многие. Ученые всех дисциплин активно создавали определенные образы науки у власти и общества или, по крайней мере, помогали создавать эти образы. Ученых традиционно уважали в обществе, и молодежь стремилась к научному и инженерно-научному образованию. В настоящее время система, в которой наука занимала это привилегированное положение, распалась в географическом и социально-экономическом отношениях. Распался и образ «передовой советской науки». Нет уже тех «физиков и лириков», которые так нравились публике, как нет уже и той публики. Ученые не знают, каким образом убедительно доказывать значимость своей работы новым правительствам, новой публике и новым предпринимателям. Ни ученые, ни их потенциальные покровители не имеют положительных моделей и образов будущих отношений.

Сколь бы ни была злободневна такая тематика, участников и организаторов конференции интересовали все эти вопросы в их историческом аспекте. На конференции обсуждался исторический опыт наших стран в построении отношений ученых, патронов и общества, исторический опыт создания положительных образов науки для политической власти, предпринимателей, молодежи и общества в целом. Этот опыт богат и разнообразен. Столичные ученые империи всегда искали связей с политической властью, умело используя политико-символическое значение науки. Провинциальные ученые находили общий язык с местными властями, заинтересованными в небольших, но ощутимых практических успехах, с местными землевладельцами и предпринимателями. Для каждой группы общества ученые использовали свои подходы, каждая группа имела свои взгляды на ученых и науку в целом, варьировавшие от враждебности до поклонения. Тонкие отношения разных социальных групп и институтов, разнообразие форм патронажа и отношения к науке в прошлом и стали предметом исследований, докладывавшихся на конференции.

Социальная история вообще и социальная история науки в частности, как они видятся организаторам и участникам конференции, представляет историю как результат взаимодействия множества различных сил, как «деятельность преследующих свои цели людей». Ученые разных сортов и возрастов, политики, чиновники, общественные деятели, промышленники — все преследуют свои цели, строя фабрики, развивая науку, основывая учреждения. Со-

циальная история в первую очередь видит неоднородность, многообразие и самостоятельную активность субъектов истории. Нет «героев» и «негодяев», нет пассивных объектов безликого исторического действия или чьей-то единичной политической воли. Отдельные герои исторического повествования (будь то люди или учреждения), если таковые появляются в работе социального историка, оказываются частью социальных групп и институтов, они погружены в социальный контекст своего времени. Если брать литературные образцы, то социальная история должна подражать скорее «Войне и миру» Толстого, нежели мифам о культурных героях, американским вестернам или политическим детективам.

На конференции не ставилась задача предложить какие-то новые историко-социологические модели и теории. Скорее, целью было освоить производствo добротных исторических работ, в которых истории дисциплин и учреждений были бы представлены в контексте социальных взаимодействий своего времени. В опубликованных ниже статьях, получившихся из докладов, есть общие рассуждения об определенных социологических моделях (таких, как патронаж) и даны соответствующие ссылки на литературу. Не повторяя и не развивая все эти рассуждения, я остановлюсь лишь на общей исторической смене форм взаимодействия науки и ученых с другими группами, лицами и институтами — на смене форм патронажа. Для создания исторической перспективы при взгляде на эту проблему я воспользуюсь голосом одного из первых социологов — Алексиса де Токвиля, приведя цитаты из его книги «Демократия в Америке» (1840), где дано блестящее описание эволюции форм патронажа.

Сделанные на конференции сообщения, разбиравшие социально-исторические примеры взаимоотношения науки и власти, охватили большой временной промежуток — от 1810-х до 1960-х гг. В этом коротком введении к публикациям я затрону лишь те из них, которые перекликались друг с другом в рассмотрении проблем патронажа науки. Начало конференции было положено докладом А. В. Бекасовой (Санкт-Петербург) «"Ученые занятия" русского аристократа как способ самореализации», посвященным графу Н. П. Румянцеву и его деятельности на научном поприще. Румянцев был руководителем и организатором множества работ, проводившихся на его деньги и под его контролем. Применительно к России фигура Румянцева может послужить иллюстрацией рассуждения де Токвиля об аристократическом обществе.

«Внутри аристократических обществ, — пишет де Токвиль, — состоящих в основном из массы индивидуумов, не имеющих никакой возможности действовать самостоятельно, всегда есть небольшое число очень могущественных и очень богатых граждан, каждый из которых может вершить большие дела. ... Каждый богатый и влиятельный гражданин играет роль своего рода главы устойчивой ассоциации принудительного характера, куда входят люди, которых он заставляет соучаствовать в исполнении своих замыслов».

Переход от аристократии к научным обществам, местной власти и государству как патронам науки был рассмотрен в докладе О. Ю. Елиной (Москва) «Наука для сельского хозяйства в Российской империи», а деятельность общественности и местных властей по поддержке науки в XIX в. стала темой доклада Э. Хектен (Висконсинский ун-т в г. Уайтотер) «Общественность и наука: развитие бактериологии в России». О попытках ученых наладить отношения со всеми формами власти и найти поддержку у государства, местных обществ и промышленников говорилось в докладе Ю. А. Лайус (Санкт-Петербург) «Ученые, промышленники и рыбаки: научно-промысловые исследования на Мурмане». Наконец, в докладе В. С. Савчука (Днепропетровск) «Научные общества и культурная революция на Украине» речь шла о судьбе научных обществ, распавшихся под давлением государственной централизации в советское время.

Все эти доклады имели много общего уже в том, что обращали внимание на огромную роль добровольных ассоциаций (будь то сугубо научные или промышленные общества) в деле развития науки. Противопоставляя аристократические и демократические страны, де Токвиль подчеркивал, что в последних «все граждане независимы и слабы; они почти ни на что не способны поодиночке, и никто из них не может обязать окружающих оказать ему содействие. Все они были бы беспомощными, если бы не научились добровольно помогать друг другу». Если аристократы могут образовывать небольшие группы, чтобы вершить большие дела, то «в демократических странах не имеется столь же благоприятных условий, — замечал де Токвиль, — здесь всегда объединение, для того чтобы иметь какую-нибудь силу, должно насчитывать очень большое число участников». Однако эти большие объединения решают свои задачи не менее успешно, чем отдельные аристократы.

Де Токвиль был поражен картиной, увиденной им в Америке, и его рассуждение дает хорошую сравнительную перспективу для рассмотрения российской истории. «Американцы самых различных возрастов, положений и склонностей беспрестанно объединяются в разные союзы. ... Идет ли... речь о том, чтобы пролить свет на истину, или о том, чтобы воспитывать чувства..., они объединяются в ассоциации. И всегда там, где во Франции во главе вся-

кого нового начинания вы увидите представителя правительства, а в Англии — представителя знати, будьте уверены, в Соединенных Штатах вы увидите какой-нибудь комитет».

Говоря о бессилии отдельных личностей при демократии, де Токвиль отмечал стремление многих своих современников свалить заботу об индивиде на государство. «Чтобы общество могло справляться с задачами, непосильными более для отдельных личностей, утверждают они, правительство должно становиться все более действенным и активным по мере того, как граждане будут впадать в бессилие и беспомощность. ... Я думаю, однако, что они заблуждаются. ... Легко предсказать, что приближается такое время, когда человек в одиночку будет все менее способен создавать для себя самые простые и жизненно необходимые условия существования. Задача государственной власти, таким образом, будет беспрестанно усложняться, и сами усилия власти, направленные на то, чтобы справиться с этой задачей, день ото дня будут все более расширять ее полномочия. Чем больше власть станет подменять собой ассоциации, тем больше частные лица, забывая о возможности объединенных действий, будут испытывать потребность в помощи этой власти — таков порочный круг беспрерывно порождающих друг друга причин и следствий».

Все рассуждение де Токвиля звучит до предела актуально, особенно, как мне кажется, применительно к ученым. Организационные усилия для развития науки XX века действительно непосильны для отдельных личностей, отчего неизбежно развивается стремление ученых (согласно высказыванию, приписываемому Л. А. Арцимовичу) «жить на ладони государства и согреться его дыханием». С этим связано то, что ученые, чьи исследования требовали больших денег и серьезных организационных усилий, всегда стремились найти и легко находили общий язык с советским государством. Государство же неизбежно стремилось организовать науку так, как это можно было делать в большой компании *USSR Inc.*

В конечном итоге организационное развитие науки в СССР зашло в тупик. Иерархическая, централизованная и монополистическая система советской науки вообще и Академии наук в частности породила бешеную конкуренцию и беспощадное столкновение научных групп в борьбе за ключевые позиции в системе. Лысенковщина, как и все политические кампании 1940-х гг., была результатом борьбы за власть в науке. Последствия оказывались катастрофическими потому, что в системе не было и не могло быть даже «станций переживания "чужих теорий"» — она была иерархична, однородна и прозрачна для политического контроля.

Выход из тупика был найден учеными в 1950-х гг., и уже по тому, какие меры они принимали для улучшения положения, ясно, что они видели причины лысенковщины и других явлений такого рода именно в организационной сфере. В докладе Е. Г. Водичева (Новосибирск) «Научный центр в Сибири: императивы формирования и имиджи восприятия» были описаны организационные меры, принятые учеными, — децентрализация самой Академии наук за счет развития региональных отделений и центров. Организатор сибирского Академгородка М. А. Лаврентьев умело использовал как личные связи с военно-промышленным комплексом и «абсолютным патроном» Н. С. Хрущевым, так и создаваемые образы науки для ученых, власти и общества в достижении своих целей.

Таким образом, конференция охватила историю патронажа науки в Российской империи и СССР от графа Н. П. Румянцева до академика М. А. Лаврентьева. Обсуждение доклада о науке в Сибири, посвященного совсем недавней истории, завершилось на последнем заседании, где рассматривались социальные проблемы науки сегодняшнего дня. И если в истории науки в Российской империи и СССР, несмотря на все исторические повороты, не было нехватки умелых научных предпринимателей, использовавших, казалось бы, самые безнадежные ситуации в пользу развития научных исследований, то наше время скорее характеризуется недостатком подобных мастеров научного строительства. Впрочем, если можно вообще надеяться на исторические традиции, то отечественная история дает основания для оптимизма. Этот вывод сам по себе может считаться неплохим результатом проведенной конференции. Об уровне же эмпирических исследований, принятых для публикации в журнале, судить читателю, благосклонному вниманию которого и предлагается настоящая подборка.

В заключение остается лишь сказать, что проведение конференции стало возможным благодаря финансовой помощи в рамках гранта на проект «Наука и техника с человеческим лицом» по фонду Макаргузов (руководитель — профессор Лорен Грэхэм, Массачусетский технологический институт) и личной финансовой поддержке, оказанной профессорами Марком Адамсом (Пенсильванский университет) и Шийлой Фицпатрик (Чикагский университет). Организационная поддержка была оказана Санкт-Петербургским Обществом естествоиспытателей при Санкт-Петербургском университете и Санкт-Петербургским Союзом ученых. Таким образом, сам по себе опыт организации конференции еще раз подтвердил значение патронажа, в том числе и со стороны добровольных ассоциаций, для развития исследований.